

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ II

ПАТРИАРШИЙ ПЕРИОД (1586–1700)	9
Введение	11
Учреждение патриаршества	14
Иов — патриарх (1589–1605)	48
Политическая роль патриарха Иова	50
Религиозная политика Самозванца	53
Патриарх Игнатий (1605–1606)	56
Царь Василий Иванович Шуйский	63
Патриарх Ермоген (1606–1612)	64
Государственно-церковное служение святителя Ермогена	65
Влияние подвига патриарха Ермогена	77
7 лет междупатриаршества	79
Государственная роль Церкви	81
Лишения и страдания Церкви от смуты	82
Внутренняя жизнь Церкви.	
Попытки исправления богослужебных книг	84
Патриарх Филарет (1619–1634)	92
Церковные злобы дня при патриархе Филарете	93
Церковно-книжное дело при патриархе Филарете	97
Начало школы	104
К характеристике патриарха Филарета	105
Патриарх Иоасаф I (1634–1640)	107
Патриарх Иосиф (1642–1652)	109
Книжное дело при патриархе Иосифе	112
Школьный вопрос	115
Идеологическое оживление	115
Внутренний конфликт в идеологии. «Москва — Третий Рим»	117
Влияние новой идеи на книжные и обрядовые исправления	120

Смерть патриарха Иосифа († 15 марта 1662)	126
Патриарх Никон (1652–1658)	128
Исправление книг и обрядов	141
Порочность метода исправления книг	152
Возникновение раскола	157
Недовольство самих православных	162
Суждение собора русских архиереев 1666 года о книжных и обрядовых исправлениях	165
Суд над старообрядцами нового собора 1666–1667 года	169
Тяжба Никона с царем	174
Идеология патриарха Никона	183
Суд над патриархом Никоном (1660)	189
Приезд патриархов (1666)	195
Суд	196
Суждения собора 1667 года об отношении церкви и государства	200
Конец Никона	205
Начало особой истории старообрядческого раскола	208
Соловецкий бунт	213
Патриарх Иоасаф II (1667–1672)	216
Патриарх Питирим (1672–1673)	218
Патриарх Иоаким (1674–1690)	219
Собор 1682 года	221
Стрелецкий бунт	224
Попытки создания школы	228
Школьно–богословские разномыслия	230
Попытки создания высшей богословской школы в Москве	236
Патриарх Адриан (1690–1700)	240
 СХЕМАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛЬШЕ ОТ БРЕСТСКОЙ УНИИ 1596 ГОДА ДО СОЕДИНЕНИЯ ЕЕ С МОСКОВСКИМ ПАТРИАРХАТОМ В 1687 ГОДУ	 249
 Осуществление Брестской Унии и самозащита Православия	 251

Властные и насильственные приемы введения унии	253
Базилиане	256
Самосохранение православной стороны. Роль братств.	
Борьба с унией	258
Борьба литературная	259
Борьба школьная	260
Заслуги монастырей	261
Восстановление православной иерархии патриархом Феофаном	263
Легализация Православной	
Церкви по смерти Сигизмунда III (1633)	267
Митрополит Петр Могила (1632–1647)	269
Учено-богословское творчество	
Киевской моголинской школы	273
Плоды православной школы и литературы	276
Воссоединение Киевской Руси с Русью Московскою и присоединение Киевской митрополии к Московскою	281
Библиография (к периоду патриаршества)	288
ПЕРИОД СИНОДАЛЬНЫЙ	309
Введение	311
Основной характер и оценка синодального периода	314
Церковь при Петре Великом.	
Личная религиозность Петра I	321
Зарождение реформы протестантского образца	324
Начало господства малороссийского епископата	331
Секретное начало церковной реформы	345
Открытая самодержавная реформа	348
Манифест и присяга	352
Реформа самой реформы	354
«Домашняя» реформа Петра и критерий вселенскости	361
Признание Синода православными патриархами	364
Отражение реформы в государственном правосознании	368
Реакция на реформу в церковном сознании	372

ВЫСШЕЕ ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ К ГОСУДАРСТВУ. СВЯТЕЙШИЙ СИНОД ПОСЛЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО	379
Время Екатерины I (1725–1727)	381
Время Петра II (1727–1730)	386
Царствование Анны Иоанновны (1730–1740)	388
Организация аппарата высшей церковной власти в царствование Анны Иоанновны	392
«Бироновщина» в церкви	399
Архиерейские процессы	403
Дело Воронежского архиепископа Льва (Юрлова)	403
Дело Георгия и Игнатия	404
Дело архиепископа Феофилакта (Лопатинского)	410
Воцарение Иоанна IV Антоновича (1740–1741)	421
Царствование Елизаветы Петровны (25 ноября 1741 – 1760)	423
Начало процедуры секуляризации	435
Император Петр III Федорович (1761–1762)	445
Воцарение Екатерины II (1792–1796)	448
Секуляризация церковных земель	448
Личность Екатерины II	450
Процедура секуляризации	452
Дело Арсения Мациевича	455
Суд Синода	463
Арсений в ссылке	469
Павел (Канючкович) митрополит Тобольский и Сибирский	476
После секуляризации	480
Иерархи Екатерининского времени	485
Приходское духовенство	495
От времени реформ Петра Великого	498
Наследственность мест служения духовенства	508
Штатные рамки и разборы	515
Приходское духовенство при Екатерине II	526
Испытания пугачевщины	530
Духовная школа	531

Царствование Павла I (1796–1801)	540
Библиография для XVIII века	546

Патриарх Московский
Гермоген. «Царский титу-
лярник», 1672 г.

**ПАТРИАРШИЙ ПЕРИОД
(1586–1700)**

П. Чистяков. «Патриарх Гермоген отказывает полякам подписать грамоту», 1860 г.

ВВЕДЕНИЕ

Мы уже отметили условность выделения времени русских патриархов в особый период. Но, с другой стороны, мы признали и то объективное основание, которое продиктовало старым историкам Русской Церкви видеть в патриаршем времени новую главу истории, поскольку после Смуты вся русская государственность и культура обновились и двинулись навстречу неизбежным реформам всей русской жизни в ее синтезе с Западом.

Мечта о русском патриаршестве неизбежно возникла в первой половине XV века, в момент осознания Русской Церковью собственной роли во вселенской миссии Православия, перешедшей к ней после падения Царьграда. И один из идеологов этой миссии, посольский толмач Димитрий Герасимов, автор «Повести о белом клобуке», в своем поэтическом прогнозе пророчески предвидит и предсказывает русское патриаршество: «И патриаршеский великий чин от царствующего сего града такожде дан будет русей земли во времена своя и страна та наречется светлая Россия, Богу тако изволившу прославити тацями благодарении русскую землю, исполнити православия величество и честнейшу сотворити паче первых сих». В таком самодовлеющем, в сущности, автокефально-патриаршем самосознании Московская Церковь и начала тогда свою историю, разорвав с греками. Что разрыв был полным, на это есть много указаний. Припомним здесь решительные слова великого князя Василия III Ивановича в письме к архиепископу Новгородскому Ионе по поводу претензий Константинопольского патриарха Дионисия в 1469 году о насильственной отдаче Русской Церкви под власть бывшего униата, митрополита Западно-Русского Григория: «да того ми посла патрарша, ни Григореева, и в землю свою впускать не велеть: не требую его, ни его благословенья, ни его не-благословенья, имеем его от себя, самого того патрарша, чужа

и отреченна и его посла и того окаанного Григорья: тебе бы, нашему богомольцу, ведомо было». Слова эти были ответом на заявления патриарха Дионисия о незаконности московских митрополитов, потому что они «ставятся собою самоchinно и бесчинно», т.е. без благословения Константинополя. Но заносчивость Константинополя не могла быть поддержана всем греческим Востоком, ибо положение глубоко изменилось с падением Константинополя как государственной опоры Православия. На место Царьграда встала царская и богатая Москва. Обнищавший православный Восток решительно к ней потянулся. И Москва использовала эту тягу с целью ликвидации канонической шероховатости, возникшей между ней и Вселенской Патриархией. Не только иноки Св. Горы и ее славянских монастырей пренебрегали фактом формального разрыва между Москвой и Константинополем и смело обращались за милостыней в Москву, рассыпая комплименты московскому царю и русскому Православию, но даже и Патриархи Иерусалимские и Антиохийские делали то же самое и готовы были от себя давать прямые формальные заявления о беспорочности московского Православия и православности Московского царства. Так еще в 1464 году, при митрополите Московском Феодосии, Иерусалимский патриарх Иоаким собирался приехать в Москву, по выражению митрополита Феодосия, «хотя нам по свышней ему силе благодати св. Духа дати свое благословение от руки своея». При этом митрополит Феодосий, критически кивая на Цареград, прибавляет, что Сионский храм Патриарха Святой Земли «всем церквам глава и мати сущи всему Православию». Известный канонист профессор А.С. Павлов доказал, что это Иоакиму Иерусалимскому принадлежит грамота² какого-то патриарха русскому великому князю с благословением и такой формулой: «имеет наше смирение господарство твое прощено во всем церковном запрещении». Таким обходным путем, дефакто и деюре, Константинопольское запрещение на Русскую Церковь постепенно сводилось на нет. Смиримый угнетением и обнищанием Восток должен был признавать и исповедовать православие московского царства и его иерархии. В 1517 году игумен Синайской обители Даниил величает московского князя полным титулом греческих василевсов: «самодержавным, боговенчанным, величайшим, святым царем всея Руси». Даже сами Константинопольские патриархи непоследовательно забывают о своем отлучении. Константинопольский Патриарх Феопит в 1516–17 годах пишет московскому митрополиту Варлааму на адресе: «Всесвященному митрополиту Московскому и всея Руси, нам же государю и владыке набожнейшему». Московские цари не оставались пассивными, но и прямо добивались окончательного и формального признания со стороны Вселенских Патриархов и автокефалии своей Церкви и законности совершенного в лице Ивана IV царского венчания. У канонически совестливых москвичей было сомнение, что это венчание было все-таки совершено митро-

¹ 100. 1465–1470. Послание великого князя Ивана Васильевича к новгородскому архиепископу Ионе, о том, чтобы он не имел общения с киевским лжемитрополитом Григорием / Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. (Памятники XI–XV в.) (Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Т. 6). СПб., 1880. Стб. 711.

² 72. – Прежде 1462. Прошенная грамота Иерусалимского Патриарха Иоакима Великому Князю Василию Васильевичу / Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841. С. 123.

политом, а не патриархом, как было в Византии. И вот, когда в 1556 году пришел в Москву от Константинопольского Патриарха Дионисия за милостыней Иоасаф митрополит Евгриппский, то царь Иван IV захотел получить, пользуясь этим случаем, от самого Константинопольского Патриарха, кроме его комплиментов «святому царству», еще и формальное подтверждение бывшей короны. При виде этой трогательной скромности, греческий иерарх, вероятно, не без лукавой улыбки написал в Москву в ответ, что венчание на царство, совершенное митрополитом Макарием, «не крепоствует», что по закону не могут совершать его не только митрополит, но и другие патриархи, кроме Римского и Константинопольского; поэтому патриарх посылает в Москву своего особого экзарха-митрополита, «да совершит он божественное таинство и благословит государя-царя как бы от лица Патриарха, имея власть творить всякое начало священства невозбранно, как экзарх патриарший истинный и соборный». Но на это уничижение московский царь не пошел и отослал в 1557 году вместе с экзархом Иоасафом в Константинополь своего посла, архимандрита Феодорита (просветителя лопарей), с богатой милостыней и настойчивым ходатайством простого признания. В результате, после некоторых проволочек, уже преемник Дионисия, Иоасаф II, в 1562 году прислал соборную грамоту, которая разрешает царю Ивану Грозному «быти и зватися царем законно и благочестно»; «царем и государем православных христиан всей вселенной от востока до запада и до океана» с поминанием его на Востоке в святых дептихах: «да будеши ты между царями как равноапостольный и славный Константин». Так бедность и милостыня сделали свое дело: засыпали канонический ров между Царьградом и Москвой, формально длившийся 83 года (1479–1562). И вершители судеб московской политики во благовремении подняли вопрос о провозглашении Москвы Патриархатом по всей законной форме через самих Восточных Патриархов.

УЧРЕЖДЕНИЕ ПАТРИАРШЕСТВА

Этот момент на редкость богато представлен источниками и освещен в литературе. Кроме «Истории Русской Церкви» митрополита Макария³, он по архивным материалам описан профессором протоиереем П.Ф. Николаевским⁴ и вновь изучен профессором А.Я. Шпаковым⁵.

Архивные источники находятся:

1. Больше всего в Московском архиве Министерства иностранных дел. Это так называемые «греческие статейные списки» бывшего Посольского Приказа. Затем следуют:
2. Сборник № 703 Московской Синодальной (бывший Патриаршей) библиотеки (выписки из дел бывшего Патриаршего Приказа).
3. Сборник документов в Соловецкой рукописи № 842 (Библиотеки Казанской духовной академии).

Из иностранных и иноязычных (греч.) источников, кроме писем современных восточных иерархов (патриарха Иеремии II, патриарха Мелетия Пига), рассеянных в разных русских изданиях, особенно примечательны два мемуарных источника, вышедших из-под пера двух епископов-греков, спутников в Москву патриарха Иеремии и соучастников в учреждении русского патриаршества:

1. Мемуары Иерофея, митрополита Монеувасийского⁶.
2. Мемуары Арсения, митрополита Элласонского⁷.

---

³ Макарий (Булгаков), еп. История Русской Церкви. Т. 10. Период самостоятельности Русской Церкви. Патриаршество в России. Кн. 1. СПб., 1881.

⁴ Николаевский П., прот. Учреждение патриаршества в России // Христианское чтение. 1879. № 7–8. С. 3–40; № 9–10. С. 369–406; № 11–12. С. 552–581.

⁵ Шпаков А.Я. Государство и Церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912.

⁶ Издание в приложении к: Σάθα Κ. Ν. Βιογραφικόν σχεδίασμα περί του Πατριάρχου Ιερεμίου Β' (1572–1594). Εν Αθήναις, 1870.

⁷ Дмитриевский А.А. Архиепископ Елассонский Арсений (Суздальский тож) и его вновь открытые исторические мемуары. I. Царствование благочестивейшего царя и великого князя Василия Шуйского храброго. II. Критико-библиографические сведения о Сумелийской рукописи, содержащей в себе мемуары о жизнеописании Арсения, архиепископа Елассонского // Труды Киевской духовной академии. 1898. № 1. С. 3–74; № 3. С. 345–372; № 4. С. 559–595; № 5. С. 88–129; 1899. № 2. С. 268–299.

Дмитриевский А.А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899.

И еще того же Арсения описание поставления патриарха Иова в нелепой стихотворной форме (напечатано там же в «Трудах Киевской духовной академии».)

Мемуары особенно ценны вскрытием закулисных подробностей. В официальных актах, как всегда, много условной фальши. Эта серия документов восполняется давно изданными, так называемыми:

1. Уставными Грамотами об учреждении патриаршества⁸;
2. Уложенной Грамотой Московского Собора 1589 года (напечатанной в Никоновской Кормчей 1653 года⁹ и в «Жезле Правления»¹⁰);
3. Соборной Грамотой Восточных патриархов 8 мая 1590 года¹¹;
4. Постановление Константинопольского собора 1593 года о месте Русского Патриарха¹².

Не упоминаем других второстепенных источников.

* * *

Русские историки (Карамзин, Костомаров) при объяснении возникновения русского патриаршества слишком много значения придавали честолюбию Бориса Годунова, проведшего своего ставленника Иова в митрополиты и затем украсившего его титулом патриарха. Хотя и нельзя отрицать, что честолюбивый Борис Годунов, задумав перевести ослабевшую династию Рюриковичей в русло своего рода, хотел закрепить в сознании народном свое грядущее воцарение мистикой именно патриаршего венчания, как и подобало действительному наследнику сана византийских царей всего православия, но главная причина лежала глубже.

Идея патриаршества органически выросла из всей истории русской митрополии московского периода. Она была у всех на уме. В эти годы конца XVI века был очень волнующий повод для учреждения Москвой у себя патриаршества. То был исход вековой распри из-за Церкви и Православия с Литвой — Польшей. Витовт в начале XV века (1415) добился отделения киевской части митрополии от

⁸ 58. Доклад Государю Царю Федору Ивановичу от Цареградского Патриарха Иеремии и всего священного Российского Собора: о избрании в Кандидаты, на Патриаршество всея России, Митрополита Московского Иова и Архиепископов: Новгородского Александра и Ростовского Варлаама. — Писан 1589, Генваря 23 / Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Оригинальное название. Ч. 2. Москва, 1819. С. 94–95.

⁹ Грамота уложенная: об учреждении в России Патриаршеского престола, четырех Митрополитов, шести Архиепископов и осми Епископов; о посвящении, бывшим в России Константинопольским Патриархом Иеремию, первого Российского Патриарха Иова и о поставлении впредь Патриархов, в Москве, с соизволения Царского, по избранию всего священного Российского Собора. — Писана 1589, в Мае / Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Оригинальное название. Ч. 2. Москва, 1819. С. 95–103.

⁹ Кормчая. Москва, 1653.

¹⁰ Симеон Полоцкий. Жезл правления. Москва, 1667.

¹¹ Там же. См. также: *Analecta Byzantino-Russica* / Ed. W. Regel. Petropoli, 1891. P. 85–91, XCVIII–CIV.

¹² В славянском переводе издано в: Скрижаль. Москва, 1655–1656. См. также: Деяние Константинопольского Собора 1593 года, которым утверждено Патриаршество в России (Переведено с греческого архимандритом Порфирием Успенским в 1850 году) // Труды Киевской духовной академии. 1865. № 10. С. 237–248.

Москвы. А потом это отделение завершилось унией, т.е. присоединением к Риму (1596). Одним из мотивов унии иезуиты выдвигали «дряхлость» греческого Востока. И уже этим одним они возбуждали в москвичах интерес к полной автокефальности, равночестности и даже превосходству над греками в форме Русского Патриархата. Профессор П.Ф. Николаевский писал: «Недоверие русских к грекам намеренно поддерживалось и врагами православия, иезуитами, которые, в видах отклонения западно-русских православных от Константинополя и от Москвы, в XVI веке настойчиво проводили мысль об утрате чистоты веры и церковных порядков греками и сносившимися с ними москвичами. Греческая Церковь, писал иезуит Петр Скарга, давно страдала от деспотизма византийских государей и подпала, наконец, самому позорному турецкому игу; турок возводит и низводит патриархов; патриарх и клир отличаются грубостью и невежеством; а в такой рабской Церкви не может быть и чистоты веры. От греков переняла веру и порядки и Русь; она сносится с Востоком; оттого и в ней нет чистоты веры, нет чуда Божия, духа любви и единения. Такие отзывы латинян о Русской Церкви переходили и в Москву; конечно, они не могли нравиться русским, но поддерживали в них нерасположение к грекам и наводили на мысль об ином устройстве церковных иерархических порядков в России, о возвышении русской иерархии не только в собственном сознании, но и в глазах западно-русского православного населения и всего христианского мира». Весьма вероятно, что внушения П. Скарги в идейно руководящих московских кругах действительно оживляли едва улегшуюся со времени Флорентийской унии грекофобию и, главное, льстили надеждой, что сама Юго-Западная Русь, уже раздавленная под пятой латинства, воспрянет духом от сознания того, что ее старшая сестра — Русская Церковь — уже стала Патриархатом, что Восток не умирает, а возрождается и зовет к тому же возрождению своих братьев в Литве и Польше. Национальный престиж Москвы, государственный и церковный, всегда имел между прочим в виду этот большой исторический вопрос: кто победит в гегемонии над восточно-европейской равниной — «кичливый лях или верный росс?» (Пушкин).

Вопрос о патриаршестве буквально вспыхнул в Москве, как только там получили весть, что на границе Руси появился Патриарх Антиохийский Иоаким, который, как мы знаем, проехал через Львов и Западную Русь в самый важный момент ее жизни, накануне печальной памяти Брестского Собора, и вовлечен был в активные действия на защиту Православия. Появление Восточного Патриарха на русской земле являлось небывалым фактом за всю историю Русской Церкви.

У москвичей поднялось и чувство привычного почтения к своим отцам по вере, наследникам славы Древней Церкви, и жажда показать свое благочестие и блеск царства. Возник вместе с тем и прямой расчет сделать большое дело — начать переговоры об учреждении патриаршества. К этому они и приступили.

Встреча патриарха в России была пышной в отличие от «никакой» в Польше и Западной Руси. Уже это одно не могло не льстить Восточным Патриархам и не радовать их. По приказу из Москвы, смоленскому воеводе велено было встречать патриарха «честно», доставить ему все удобства, продовольствие, и с почетной охраной сопровождать до Москвы. 6 июня 1586 года патри-

арх Иоаким прибыл в Смоленск и оттуда препроводил свое письмо к царю Федору Ивановичу. Этот патриарх уже писал прежде Ивану IV и получил от него 200 золотых. Письмо патриарха Иоакима было полно «византийских», т.е. умеренных похвал московскому царю: «если кто виде небо и небо небеси и вси звезды, аще солнца не виде, ничтоже виде, но егда видит солнце, возрадуется зело и прославит сотворшаго и Солнце же наше правоверных хрестьян в днешние дни, — ваша царская милость едино меж нами есть». Исходя из этого, московский царь легко мог ставить вопрос: пора же наконец «солнцу правоверных христиан» иметь возле себя и патриарха?

Навстречу гостю высылались царем почетные послы в Можайск, в Дорогомилово. 17 июня патриарх Иоаким въехал в Москву и был помещен на Никольском крестце в доме Шереметева. 25 июня был парадный прием патриарха у царя Федора Ивановича. Но характерно то, что митрополит Дионисий ни визита, ни привета патриарху не сделал. Этого не могло произойти без соглашения со светской властью. Митрополит явно хотел дать почувствовать восточному просителю милостыни, что он — русский митрополит — такой же автокефальный глава своей Церкви, как и Патриарх Антиохийский, но только глава Церкви большей, свободной и сильной, — а потому патриарху следовало бы первым идти к нему на поклон. А так как патриарх хочет обойтись поклонами царю, то и митрополит русский первый «шапки не ломает».

Патриарха, по почетному обычаю, везли во дворец в царских санях (хотя было и лето) — волоком. Царь принял его в «Подписной Золотой Палате», сидя на троне в царском облачении, среди разодетых бояр и чинов по чину принятия послов. Царь встал и отошел на сажень от трона для встречи. Патриарх благословил царя и вручил ему в дар мощи разных святых. Тут же передал царю рекомендательное письмо, врученное ему Константинопольским Патриархом Феопитом вместе с Александрийским Патриархом Сильвестром, о помощи Иоакиму в покрытии долга Антиохийской кафедры в 8000 золотых.

Царь пригласил патриарха к себе на обед в тот же день! Очень большая честь, по Московскому чину. А пока указано было патриарху идти в Успенский собор на встречу с митрополитом. Это было преднамеренно, чтобы подавить гостя официальной помпой и блеском и явить русского святителя «на кафедре», окруженного бесчисленным сонмом духовенства, в золотых парчовых ризах с жемчугами, среди икон и рак, обложенных золотом и драгоценными камнями. Бедный титулованный гость должен был почувствовать свою малость перед настоящим главой реально (а не номинально) Великой Церкви. Патриарха ждала почетная встреча в южных дверях. Провели его приложиться к иконам и мощам. А в это время митрополит Дионисий с духовенством стоял посреди храма на кафедре, готовый начать литургию. Подобно царю, по церемониалу, он сошел с кафедры на сажень навстречу патриарху и поспешил первым благословить патриарха. Оторопевший патриарх, хорошо поняв нанесенную ему обиду, тут же через переводчика заявил, что так не следовало бы поступать, но увидел, что никто его не хочет слушать, что не место и не время спорить, и замолчал. Как говорит документ, «слегка поговорил, что пригоже было митрополиту от него благословение принять наперед, да и перестал о том». Патриарх прослушал литургию, стоя без облачения у заднего столпа собора. Царский обед

после обедни и царские подарки были только золочением пилюли для огорченного патриарха. Фигура русского митрополита, блеснувшая перед патриархом, как олимпийское величие, опять скрылась от него, и он должен был почувствовать, что спорить против высоты русского митрополита не придется. А царю за подарки надо отплатить. Так московские дипломаты создали «атмосферу» для вопроса о русском патриаршестве. И все дело повела светская власть. К ней тянулись патриархи, от нее ждали милостей и получали. С ней обязаны были и расплачиваться. Русская иерархия была избавлена от риска умалиться и попасть в положение смиренных просителей. Она ничего не просила. Она как бы все имела. И восточные иерархи должны были сами почувствовать свой долг перед ней и дать ей подобающий титул патриарха.

Непосредственно за этим днем начались переговоры царской власти с Патриархом Иоакимом о патриаршестве. Велись они тайно, т.е. без писанных документов, может быть, из опасения, чтобы царская власть как-нибудь не выступила перед Константинопольским Патриархом против этого. В Боярской думе царь держал речь, что он после тайного сговора с супругой своей Ириной, со своим «шурином, ближним боярином и конюшим и воеводой дворовым и наместником Казанским и Астраханским Борисом Федоровичем Годуновым» решил поставить следующий вопрос: «Изначала, от прародителей наших, киевских, владимирских и московских государей — царей и великих князей благочестивых, поставлялись наши богомольцы митрополиты киевские, владимирские, московские и всея России, от патриархов царяградских и вселенских. Потом милостию всемогущего Бога и Пречистыя Богородицы, Заступницы нашей, и молитвами великих чудотворцев всего российского царства, а за прошением и молением наших прародителей, благочестивых царей и великих князей московских, и по совету патриархов цареградских (?) начали поставляться особо митрополиты в московском государстве, по приговору и по избранию прародителей наших и всего Освященного Собора, от архиепископов российского царства даже и до нашего царствия. Ныне по великой и неизреченной Своей милости, Бог даровал нам видеть пришествие к себе великого патриарха Антиохийского; и мы воссылаем за сие славу Господу. А нам бы испросить еще у Него милости, дабы устроил в нашем государстве московском Российского Патриарха, и посовещывать бы о том со святейшим патриархом Иоакимом, и приказать бы с ним о благословении патриаршества московского, ко всем патриархам». Для переговоров к патриарху был послан Борис Годунов.

В «Сборнике Синодской Библиотеки» речи Бориса Годунова патриарху Иоакиму и его ответы переданы след. образом. Годунов предлагает Иоакиму: «ты бы о том посоветовал с преосвященным святейшим вселенским Патриархом Цареградским, а пресвятейший бы патриарх посоветовал о таком великом деле с вами со всеми патриархи... и со архиепископы и епископы и со архимандриты и со игумены и со всем освященным собором. Да и во Святую бы Гору, и в Синайскую о том обослался, чтобы дал Бог такое великое дело в нашем российском государстве устроилося ко благочестию веры христианския, а помысля бы о том нам объявили, как тому делу пригоже состоятися». Патриарх Иоаким, по изложению этого документа, благодарил от себя и от других патриархов царя московского за все милостыни, за которые Восточные Церкви молятся о нем, при-

знал, что в России учредить патриаршество «пригоже», обещал посоветоваться с остальными патриархами: «то дело великое, всего Собора, а мне без этого совета учинить то дело невозможно».

Странно звучат последние слова. Все почти официальные документы об этом деле тенденциозны. И тут мы невольно чуем скрытое предложение москвичей Иоакиму (может быть, с обещанием уплатить искомые им 8000 золотых), не откладывая в долгий ящик, самому поставить патриарха, а задним числом искать потом подтверждения.

Переговоры кончились быстро. Иоаким что-то получил и обещал содействовать делу среди своих восточных собратий. Патриарху позволено было посетить монастыри Чудов и Троице-Сергиевский, где он и был с почетом и подарками принимаем 4 и 8 июля.

17 июля он опять почетно был принят на прощанье царем в золотой палате. Царь здесь заявил о своей милостыне патриарху и просил молитв. О патриаршестве не было ни слова. Это еще не было предметом гласности. Отсюда гостей направили в Благовещенский и Архангельский соборы для напутственных молебнов.

Но в кафедральный Успенский собор и к митрополиту Дионисию патриарх не заходил и никакого прощания с митрополитом у него не было. Обида Иоакима вполне понятна. Но упорное неглижирование Дионисием патриарха не до конца нам понятно. Приходится прибегать к гипотезам. Может быть, просто по разведке в дороге еще в Москву (в Литве или уже в пределах России) оказалось, что патриарх Иоаким о московских митрополитах (в отличие от киевских-литовских) выражался как о самовольно автокефальных и не к пользе церкви независимых от греков. Вот Дионисий с дозволения царя и учинил такую демонстрацию зазнавшемуся греку. В Москве умели распределять дипломатические роли...

А может быть, «пересол» в дипломатии митрополита Дионисия принадлежал ему лично, а не царской политике и даже вопреки ей. Политика велась Борисом Годуновым. Дионисий принадлежал к партии противников Годунова. Последний имел своего любимца среди иерархии для замены Дионисия, Старицкого игумена Иова, которого и метил в кандидаты на патриаршество. Дионисий мог подозревать, что интригующий Борис, ради своего любимца, согласится перед греками на какую-нибудь тень зависимости от них ради приобретения пышного патриаршего титула. Отсюда резкая демонстрация Дионисия ради сохранения совершенной автокефалии и достоинства Русской Церкви. В следующем 1587 году митрополит Дионисий и архиепископ Крутицкий Варлаам, как открытые противники Бориса, были свергнуты последним, и на место Дионисия был поставлен митрополитом избранник Бориса — Иов.

1 августа патриарх с почетным эскортом выехал в Чернигов. Для «подталкивания» московского плана вместе с патриархом Иоакимом послан был подьячий Михаил Огарков (желавший по пути выкупить из турецкого плена своего сына). Огарков повез богатые денежные и вещевые дары Патриархам Константинопольскому и Александрийскому.